

© 2022

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России

(г. Псков, Россия)

(e-mail: de-888@ya.ru)

О НОРМАТИВНОСТИ МЕЙНСТРИМА (КАК МОЖЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ПОЗИТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ)

Показано, что ни по методам построения, ни по внутренней архитектуре принципиальной разницы между нормативными и позитивными теориями нет. Обосновано, что современная неоклассическая теория в целом не является позитивной. Предложен альтернативный вариант построения позитивной микротеории на основе подхода Мориса Алле: концепция поиска излишка в рамках стоимостного подхода.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методология, нормативная теория, позитивная теория, принцип, стоимость, экономический мейнстрим.

DOI: 10.31857/S020736760021858-2

Со времени выхода программной статьи М. Фридмана [1] неоклассическое течение в экономической теории («экономический мейнстрим») позиционируется как «позитивное», «ценностно нейтральное». По нашему мнению, такая оценка является неправомерным обобщением.

Наши рассуждения начнем с прояснения вопроса о категориях нормативного и позитивного в экономической теории как таковых. Традиции разграничения позитивных экономических теорий (описывающих то, что в реальности есть) и теорий нормативных (предписывающих, какой экономика должна бы быть) как минимум 200 лет: «Примерно во второй половине XIX в. это ставшее привычным различие в экономической теории начали смешивать и практически отождествлять с существующим у философов-позитивистов различием между тем, что “есть”, и тем, что “должно быть” ... стали говорить, что позитивная экономическая теория относится к фактам, а нормативная — к ценностям... За всем этим стоит ужасная логическая путаница» [2. гл. 5]. Соглашаясь, что вопрос о соотношении нормативного и позитивного в экономической науке запутан, отметим, что в цитированной работе М. Блауг полной ясности не достиг, с чем в том числе и связан настоящий возврат к этой теме. Любая теория — это идеальная модель реальности. Очевидно, что модель актуально существующей реальности, и модель реальности желательной — это не одно и то же. Вопрос в том, являются ли эти типы теорий *принципиально разными* не только по своему предназначению, но также и по методам построения, и по своей внутренней архитектуре.

Влияние позитивизма. Обсуждаемая дихотомия была наиболее четко сформулирована в рамках философии логического позитивизма¹, а именно: принципы «позитивной» теории и можно, и нужно получать индуктивно (обобщая факты), а вот нормативные теории строятся иначе — интуитивно находятся некие принципы, из которых дедуцируются следствия, которые и описывают желательное положение дел.

Однако, как показал, например, К. Поппер еще в 1930-е годы, выведение аксиом и принципов индуктивно (общего через единичное) не то чтобы сложно или «неэффективно», а просто невозможно [7. С. 88–93, 124–126], и исследования в области философии науки после Поппера свидетельствуют, что никто с тех пор его аргументы не опроверг (см. [8])². Создание теории (нахождение ее принципов) — процесс неформализуемый, и определенно не является “индукцией из фактов” [10. С. 299, 336].

Иначе говоря: а) любое наблюдение, эксперимент (то есть наблюдение в специально созданных условиях) и вообще любая подборка фактов уже *предполагают* некоторую теоретическую схему, вне которой они просто немыслимы; б) любая попытка вывести общее из групп единичностей противоречива, поскольку образование группы *уже* предполагает общее в качестве своего основания [11].

В силу этого исследователь, провозглашающий, что его теория «выведена из фактов», реально уже на стадии подборки фактов имеет некую теоретическую схему, которая и определяет, какие факты будут отобраны (хотя может этого и не осознавать). Наблюдение всегда целенаправленно: мы исходим из определенной задачи и наблюдаем (в принципиально бесконечно разнообразном мире) только то, что нужно для решения этой задачи. То, что наш гипотетический исследователь может не отдавать себе отчета в наличии у себя предварительной теоретической схемы, ничего принципиально не меняет в том, что он *делает* (хотя довольно сильно влияет на то, что он о своих действиях говорит и думает)³.

Соответственно, ни по методам построения, ни по внутренней архитектуре принципиальной разницы между нормативными и позитивными теориями нет. Любая теория есть система дедуктивно организованных предложений [12], которые можно разделить на:

¹ Термин «позитивизм» зачастую употребляют весьма вольно. Мы понимаем под философией логического позитивизма (неопозитивизма, «3-го позитивизма») концепции Б. Рассела [3], раннего Л. Витгенштейна [4] и философов Венского кружка [5] о проверке научности теорий методом верификации: если теоретическое положение можно свести к фактам, — оно научно, если нет, — оно метафизично, следовательно — ненаучно.

Важно отметить: постпозитивизм (К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, др.) *не является* развитием логического позитивизма — постпозитивизм является его антагонистом. К. Поппер прямо, и вполне обоснованно утверждал [6. С. 87–97], что его работа 1934 года «Logik der Forschung» [7] привела к философской смерти логического позитивизма.

² Философия науки Поппера содержала нормативное требование заранее устанавливать критерии опровержения [7. С. 247]; иными словами, К. Поппер предлагал запрет на гипотезы *ad hoc* («конвенционалистские стратагемы», «иммунизирующие стратагемы»: см. [2. С. 64]). Попперианский нормативизм научным экономическим сообществом был отвергнут, и вполне обоснованно [9. С. 14–15]. Однако это никак не ставит под сомнение данную К. Поппером критику позитивизма.

³ Подробнее см. нашу критику индуктивизма в [13. С. 61–86], [14].

- 1) принимаемые априорно принципы (аксиомы);
- 2) логически следующие из принципов выводные предложения, или теоремы.

В естественных науках (тем более — науках социальных) получение выводных предложений не ограничивается их дедукцией из принципов, но предполагает также ряд мысленных экспериментов над базовыми (идеальными) моделями предметной области теории⁴. Но эти базовые модели есть не что иное, как неформализованные принципы. Все содержание теории следует из принципов, описанных в теории явно, закодированных в идеальных моделях, или же просто интуитивно подразумеваемых (к этому тезису мы еще вернемся ниже).

В чем же различие между теориями нормативными и позитивными? Различие, по нашему мнению, определяется тем, какой предметной области теория соответствует. Теория, взятая *per se*, вне контекста, не является ни нормативной, ни позитивной. Позитивной или нормативной теория становится, когда она (ее принципы) ставится в соответствие: а) либо какому-то фрагменту мира реального, б) либо какому-либо миру идеальному.

Этот критерий противоречит методологии инструментализма, со второй половины XX века являющейся практически стандартом для экономистов-неоклассиков («принципы могут быть какими угодно, лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты»)⁵. Мы, однако, считаем, что из реальных сложностей философского анализа принципов совершенно не следует, что они могут быть «какими угодно». Что вообще значит: теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя инструментализму, теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно? Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают какие-то сущностные свойства реальности⁶.

⁴ В физике это идеальные модели абсолютно твердого тела, идеального газа, в экономике — модели «экономического человека», etc. Модели эти могут задаваться явно, но зачастую подразумеваются «по умолчанию». Но даже при явном задании какие-то свойства базовых идеальных моделей могут и не быть определены описанием, а мыслятся, исходя из наших пространственно-временных интуиций. См. [8].

⁵ Основоположителем современного экономического инструментализма считается М. Фридмен [1]. Отметим, что сам Фридмен занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [1. С. 29]. Сомнительная честь доведения умеренного инструментализма М. Фридмена до ультра-конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

⁶ При этом «отражать сущностные свойства реальности» — не значит быть «фотографией» реальности. Геометрия отражает сущностные свойства пространства, но совсем не потому, что реальные линии в самом деле бесконечные и абсолютно ровные. Поэтому первичные

Последние десятилетия наблюдается так называемый «эмпирический поворот» в экономических исследованиях, то есть преобладание результатов, полученных с применением методов математической статистики, над теорией: теоретические принципы трактуются как условность, не имеющая отношения к реальности [17]. По нашему мнению, эта тенденция напрямую связана с многолетним господством в экономическом мейнстриме инструментализма: если принципы теории могут быть «какими угодно», то в конечном счете и теория в целом может быть какой угодно. Но зачем тогда теория вообще нужна?

Обратимся к конкретным примерам. Позитивна или нормативна теория общего экономического равновесия (ТОЭР) [18]? Если мы рассматриваем ситуацию электронных торгов с потенциально бесконечно делимым товаром, при большом количестве продавцов и покупателей, отсутствии агентов с доступом к инсайдерской информации и ряде других условий⁷, ТОЭР может рассматриваться как теория позитивная. Но вот в России в 90-е годы XX века при переходе от плановой экономики к рыночной ее роль была, очевидно, нормативной: «главное — форсированная приватизация, а дальше все сделает рынок, ведь он обязательно придет в состояние оптимального равновесия, ибо это “математически доказано”».

Другой пример — теория рационального выбора (ТРВ): «теория рационального выбора является ядром современной микроэкономики, и микроэкономисты всегда считали ее... позитивной научной теорией» [19. С. 53]. Затем в процитированной работе Хэндс приводит ряд примеров нормативной интерпретации ТРВ, и констатирует «склонность все большего числа экономистов рассматривать ТРВ в качестве нормативной теории рациональности и отделять нормативное от этического» [19. С. 72].

Отметим, что Хэндс не обсуждает критериев, при каких условиях та или иная интерпретация ТРВ уместна (ограничиваясь перечислением громких имен интерпретаторов), и понятно почему, выделение таких критериев (а ими может быть только соответствие/несоответствие принципов теории какой-то реальности, эмпирической либо идеальной) очевидно идет вразрез с инструменталистскими установками мейнстрима.

Позитивное, нормативное и принцип Юма. Теперь обратимся к тенденции отождествления позитивных экономических теорий с высказываниями о фактах, а нормативных — с высказываниями о ценностях. На основе этого, опираясь на принцип Юма⁸, зачастую делается вывод об их якобы «несоизмеримости».

принципы не могут быть «какими угодно», — они должны быть изоморфны предметной области теории.

⁷ Более полный список идеализаций ТОЭР мы обсуждали в [15, 16].

⁸ Принцип Юма — утверждение о невозможности вывести этические положения из фактов (эмпирических обобщений). Дэвид Юм в своем «Трактате о человеческой природе» заметил, что во всех известных ему попытках вывести моральные нормы из знаний о сущем неизменно присутствуют логические ошибки, а именно: переход от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен» (что логически невозможно) [20. С. 33]. Иными словами, принцип

Здесь мы отметим, что отождествление нормативной теории с этическим предписанием неправомерно: мы можем этически оценивать как нормативные теории, так и позитивные. Например, теория несовершенной конкуренции описывает ситуацию монополии (имеющей место в реальности, то есть позитивно). Эту реальную ситуацию мы можем оценить этически отрицательно, как являющуюся источником роста неравенства в социуме (если считаем, что такой рост нежелателен). Или дать положительную этическую оценку: если считаем главной ценностью прогресс технологий и убеждены, что источником технического прогресса служат сверхприбыли монополистов (которые, конечно же, будут вложены в научные исследования).

Позитивен ли неоклассический мейнстрим? Неоклассическая теория в целом достаточно давно претендует на то, чтобы быть «позитивной», то есть описывающей реальность⁹. Насколько обоснованна такая претензия?

Пример с трансформацией экономики СССР, когда роль неоклассической теории была очевидно нормативной, уже приведен выше. Пример этот не единичен: в форме «Вашингтонского консенсуса» неоклассическая теория последние десятилетия навязывается как теоретический стандарт для трансформации экономик развивающихся стран (и условие для предоставления кредитов МВФ). Итог такой связанной финансово-теоретической помощи в большинстве случаев плачевен [22–24].

Но, может быть, для «правильной рыночной» экономики (хотя бы в случае экономик G7) неоклассическая теория становится позитивной? Обратимся к анализу базовых принципов неоклассики, в первую очередь субъективизма, или методологического индивидуализма («все экономические феномены понимаются через индивидуальные действия экономических агентов»).

Прежде всего здесь следует отметить, что методологический индивидуализм неоклассики — следствие *философской* позиции отрицания бытия сущностей более высокого уровня, чем индивид: «все такого рода общности [государства, ассоциации, корпорации...] должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [25. С. 13]. Выбор такой философской позиции (онтологического индивидуализма)¹⁰ — право любого исследователя, но в мейнстриме этот философский принцип принимается как *единственно* возможный¹¹. Тем самым философская гипотеза переносится

Юма запрещает такой вид причинного объяснения, когда *причиной* морального (ценностного) суждения является какой-то факт [21. С. 141].

⁹ Так, это явно сформулировал М. Фридмен в своем известном эссе [1].

¹⁰ Утверждение, что модель общества в целом может быть без остатка сведена к индивидуальному поведению, называет онтологическим индивидуализмом и В.С. Автономов [26. С. 54].

¹¹ Если бы «методологический индивидуализм» был действительно методологическим, то предмета для спора не было бы. Есть два разных способа описания экономической системы; если кому-то нравится описывать систему только через индивидуальные действия, это его личное предпочтение. То есть, «методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей методики научного познания и необходимо предполагают друг

в сферу науки как некий якобы твердо установленный факт: одно это превращает всю неоклассическую теорию в нормативную конструкцию, где навязываемой нормой выступает якобы «единственная научная» модель человека — «компетентный эгоист» (*homo oeconomicus*).

Нормативность «методологического» индивидуализма особенно ясно проявляется в попытках распространения этого подхода на все социогуманитарное знание («экономический империализм»). Так, в построении моделей семьи [29] заключение брака интерпретируется по аналогии с созданием партнерской фирмы: решение иметь детей аналогично другим инвестиционным решениям, а брак заключается, если ожидаемый объем совместно производимых благ превосходит арифметическую сумму благ, производимых порознь, etc.

Семьи, основанные на расчете, существуют, и не только на Западе, — но в традиционном обществе это считается патологией. А вот Гари Беккер и его последователи, похоже, всерьез считают, что вскрывают «суть» семейных отношений. А почему?

Семья (муж и жена) трактуется как единое целое не только в рамках традиционных религий. Таким же образом семья трактуется и в большинстве существующих правовых систем: и имущество, и доходы считаются общими, то есть семья трактуется как единое целое; утеря этого единства (то есть любви, ибо любовь и есть чувство, эмоционально выражающее единство) принимается в судах как основание для развода (нет единства — нет семьи). И. Кант идею единства (в том числе, социального) выразил в форме категорического императива и подчеркивал, что он есть *первичная* данность нашего существования [30]. Люди тысячелетиями заблуждались, находились в плену «метафор», но вот пришел «экономический империализм» (то есть неоклассический экономический подход, доведенный до предела: «все продается и покупается»), — и открылась «истина»? А может быть, наоборот, в основе «методологического» (то есть онтологического) индивидуализма лежит потеря способности ощутить любовь (единство с другими людьми)?

Распространено мнение, что неоклассическую парадигму определяет маржиналистский подход, и, соответственно, принцип предельной полезности. По нашему мнению, субъективизм неоклассической парадигмы не следствие маржинализма, а его причина. Неоклассический переворот в первую очередь характеризовался переходом к субъективистской трактовке предмета экономической науки [31], и, соответственно, к отказу от категории «стоимость». Принцип существования стоимости (центральный для классической политэкономии) постулирует объективное основание для системы цен, то есть предпола-

друга» [27. С. 430]. В тех или иных научных исследованиях они получают конкретное содержание в зависимости от предметного поля, подобно тому, как человек использует очки «для близи» и очки «для дали» [28. С. 85].

гает существование в экономике системных свойств (в частности, надличностной меры, то есть, стоимости). В свою очередь, отрицание существования объективной меры (то есть, отказ от стоимости) принуждает принять принцип равновесия (стремления к равновесию): в отсутствие системной меры никакого другого способа анализировать поведение экономической системы, кроме анализа движения к точке равновесия, не остается¹². Поэтому, чтобы раскрыть сущность обмена с позиции субъективных оценок полезности, создатели неоклассической теории были *вынуждены* обратиться к предельному (маржинальному) анализу (дифференциальному исчислению)¹³.

Но ведь современная экономика, казалось бы, в самом деле такова: основные мировые валюты уже более полувека не имеют эталона, курсы валют плавающие, — все как в неоклассической теории? Здесь мы отметим, что в признании такой ситуации нормой и заключается главный нормативный посыл неоклассики. Если ценность любого товара определяется соотношением спроса—предложения,— а деньги тоже товар, пусть особый, — ценность денег тоже можно определять соотношением спроса-предложения (более того, это теоретически правильно). Этот нормативный посыл, транслируемый в течение десятилетий университетскими курсами экономики, и сделал мыслимым, а затем и возможным, признание мировым общественным мнением отмены обмена долларов США на золото как чего-то, находящегося в поле возможного¹⁴.

Понятно, что банкирам и финансовым спекулянтам такое нормативное переформатирование архитектуры мировой экономики было выгодно. Но выгодно ли оно всем остальным участникам экономических отношений? И второй вопрос, связанный с первым, насколько адекватен неоклассический принцип стремления к равновесию?

Начнем обсуждение со второго вопроса.

При интуитивном представлении экономики как в первую очередь системы обмена, который происходит в короткие промежутки времени (без свя-

¹² Сравнение различных временных состояний системы в отсутствие меры (или при меняющемся эталоне меры) невозможно — по тем же причинам, по которым для того, чтобы имел место закон сохранения энергии, необходимо условие постоянства физических констант [31].

¹³ Иными словами, теория предельной полезности была построена не столько «под реальность», сколько под математический аппарат: «Влияние математического инструментария на формулировки теории предельной полезности у Джевонса и особенно у Вальраса очевидно и признано ими самими. Основные свойства экономического субъекта у маржиналистов выбраны так, чтобы обеспечить однозначное решение задачи на максимизацию полезности. Получить единственное значение аргумента, при котором функция достигает максимума возможно, только если функция полезности нелинейна, а этот удобный вид функции как раз придает закон убывающей полезности» [32. С. 32].

Таким образом, принцип убывающей предельной полезности можно назвать «техническим» — он становится необходим, если мы принимаем позицию онтологического субъективизма.

¹⁴ Как заметил автор самого, вероятно, известного учебника по экономике П. Самуэльсон: «Мне все равно, кто пишет законы страны, если я могу написать ее учебники по экономике» [33. Р. 4].

занных с производством задержек и иных нелинейных эффектов), с более интенсивными, нежели внешние воздействия, обратными связями (которые возвращают систему в *status quo*), принцип равновесия (стремления к оному) становится интуитивно очевидным. Данное интуитивное представление можно поставить в соответствие базовой теоретической модели предметной области экономической теории как диффузии [16]¹⁵. Такую экономику обмена посткейнсианцы называют простой экономической системой [34. С. 91].

Сложная экономика — это система многоотраслевой экономики с глубоким разделением труда. В какой базовой модели можно смоделировать то обстоятельство, что помимо обмена в экономических системах происходит преобразование одних ресурсов в другие (труд)? В данном случае базовой теоретической моделью может стать система «реакция-диффузия»: это множество агентов, на котором заданы отношения не только перераспределения («диффузии») экономических активов, но и их преобразования (труда) [16].

Впрочем, есть и другая модель сложной экономической системы, уже давно получившая всемирное признание: это модель межотраслевого баланса (МОБ). Важно отметить следующее — в основе методологии МОБ лежит гипотеза о постоянстве межотраслевых коэффициентов, но это есть не что иное, как другая формулировка принципа существования в крупных экономических системах объективных ценовых пропорций, то есть существования объективной стоимости. Многолетняя практика применения МОБ убедительно свидетельствует, что эта гипотеза в большинстве случаев адекватна реальности: межотраслевые коэффициенты в долговременной перспективе существенно меняются только с изменением ключевых промышленных технологий.

Далее: атрибутами сложной экономики с глубоким разделением труда являются неэргодичность и нелинейность¹⁶. Средством элиминации этих вредных помех являются долгосрочные контракты [34]. Но что есть множество долгосрочных контрактов? Это есть не что иное, как планирование, основным инструментом которого на макро уровне является как раз МОБ (методология которого, неявно включая принцип стоимости, тем самым отрицает принцип методологического индивидуализма).

А на микро уровне очевидны полная нереалистичность многих других

¹⁵ Диффузия – перераспределение какого-либо компонента в пространстве в результате случайного теплового блуждания отдельных атомов. Дадим интерпретацию диффузионной модели экономической системы: множеству точек пространства соответствует множество экономических агентов; под концентрациями (ресурсов) будем понимать оценки их полезности агентами-собственниками; если концентрации отличаются в соседних точках, происходит диффузия компонента (переход ресурса от агента к агенту).

¹⁶ Посткейнсианцы, развивая идеи Дж. Кейнса [35], обосновывают неизбежность этих факторов, не позволяющих экономике приходить в состояние оптимального равновесия, наличием а) оборудования с длительным сроком службы и б) временных запаздываний информационных сигналов (оборотной стороной удобства использования денег) [34].

неоклассических принципов и допущений (бесконечной делимости благ, выпуклости функций полезности, полной информированности агентов...) ¹⁷. Наименее реалистичен, по нашему мнению, ключевой (точнее, системообразующий) для маржинализма принцип предельной полезности (уменьшения ценности каждой следующей единицы блага). При а) единичном и б) индивидуальном потреблении падение полезности, конечно, происходит, — но разве это вскрывает сущность экономических отношений? 2-я пачка чая менее ценна, чем первая? Да, если употребить их за один присест. А если в течение недели, то это совсем не так. Но это если оставаться на территории, смежной с психологией (индивидуального потребления).

Однако экономика — это, в первую очередь, система организаций: вторая тысяча тонн угля для электростанции менее ценна, чем первая? Назначал ли кто-либо когда-либо зарплату работникам фирмы, высчитывая «предельную производительность труда»? ¹⁸

Маржиналистские математические модели дают результаты, *похожие* на то, что происходит на реальных рынках с большим количеством продавцов и покупателей. Однако достижение равновесия в такого рода условиях можно смоделировать и с помощью гипотетического аукциониста Л. Вальраса; возможно и построение множества других аналогичных моделей. Очевидно, что на самом деле, сравнения предельных полезностей (во всяком случае, в математической форме) экономические агенты не производят. Менеджеры и экономисты годами учат неоклассическую микротеорию, но только для того, чтобы, начав практическую деятельность, забыть все, что связано в ней с «предельным» подходом. Реально при организации производства никто не максимизирует некую абстрактную полезность — максимизируется денежный доход ¹⁹ или физический выпуск продукции. И здесь плавающие курсы валют, то есть отсутствие стоимостного эталона, являются фактором, существенно усложняющим (а то и вовсе разрушающим) долгосрочное планирование экономической деятельности.

Из всего вышеизложенного не следует, что мы считаем современный неоклассический мейнстрим теорией «неправильной». Мы считаем его теорией, которая неправомерно обобщена — ее предметная область не включает большую часть экономических феноменов и ограничена ситуациями распределения ресурсов, в оценке которых велика роль сугубо субъективных факторов. Уже в XIX веке Дж. Милль отметил, что стоимость природных ресурсов и монопольных товаров зависит от их редкости (это и есть предметная область неоклассики), а для товаров, воспроизводимых потенциально неограниченно

¹⁷ См., например, критику принципов неоклассической парадигмы, данную М. Алле [36. С. 229–235].

¹⁸ См. критику гипотезы предельной полезности как «объяснения» роста зарплат топ-менеджеров, данную Дж. Стиглицем [37. С. 297] и Т. Пикетти [38. С. 312, 328].

¹⁹ На это совершенно оправданно указал еще А. Маршалл: измерить полезность можно только косвенно, через цены, поэтому на практике кривая убывающей полезности совпадает с кривой спроса [39. Кн. 3].

(то есть от основной массы товаров промышленных, ведь любой монопольный товар рано или поздно становится массовым), — от величины издержек производства [40. С. 222—224]²⁰. Для описания этого общего случая (сложной экономики с длинными производственными цепочками) в мейнстриме попросту не хватает категорий и моделей: остается только постулировать априорное равновесие, каковое является скорее исключением, нежели правилом²¹. По нашему мнению, теоретическое ядро мейнстрима (ТОЭР) можно рассматривать как описание идеала (эталона эффективности) экономической системы, а мейнстрим в целом — как частную теорию, описывающую редуцированную экономическую систему (в которой процессы производства незначимы и подчинены процессам распределения).

Поэтому неоклассический мейнстрим в целом, по нашему мнению, — теория нормативная, смысл которой в идеологической защите современного мирового экономического порядка.

Как может выглядеть позитивная микротеория? Обратимся к экономической реальности. На практике управление предприятием (системой предприятий) производится на основе обыкновенного здравого смысла, а отнюдь не по рецептам неоклассической микротеории. Как показывает практика, для этого современное неоклассическое экономическое образование вовсе не нужно. Позитивная микротеория, по нашему мнению, и должна моделировать этот самый экономический здравый смысл.

Главный аспект здесь, по нашему мнению, замена непроверяемого и антиинтуитивного принципа убывающей предельной полезности на принцип существования объективной ценности (стоимость).

Вопрос о стоимости, на наш взгляд, искусственно запутан: с одной стороны, манипулятивной в своей основе критикой апологетов мейнстрима [31], а с другой — схоластическими дискуссиями на темы «как понимали стоимость» Маркс, Рикардо, etc.; «как правильно переводить термин “*wert*”» [42], и т.д.²²

Мы считаем, что вводить стоимость в микротеорию следует аксиоматически: постулируя некое общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей. Ясным аргументом в пользу адекватности такого подхода является существование денег, ибо деньги — не что иное, как инструмент

²⁰ Практически аналогичный тезис сформулировал и А. Маршалл: о том, что в краткосрочном периоде [то есть в ситуации появления нового монопольного товара] цену определяет спрос, а в долгосрочном — издержки производства [которые определяются в конечном счете количеством затраченного труда, ибо и капитал, в сущности, есть овеществленный труд] [41. С. 33].

²¹ Здесь мы, в сущности, повторяем тезис Дж. Кейнса, который в первой главе своей главной работы написал о теориях экономического равновесия, лежащих в основе современного неоклассического мейнстрима: «...теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия» [35. С. 224].

²² Такого рода дискуссии, конечно, важны для историков науки, но для экономической теории как таковой в лучшем случае бесплодны.

сравнения ценностей, имеющих качественно различную природу²³. Таким образом, «стоимость» — это не «фотография реальности», а ее модель. Эта модель не на 100% совпадает с экономической реальностью, но для большей части случаев (в первую очередь для ситуации массового производства) является более адекватной, нежели модели на основе принципа убывающей предельной полезности.

Обоснование тезисов: а) никаких объективных научных оснований для элиминации стоимости из экономической теории нет; б) как понятие идеальное, стоимость непосредственному наблюдению и измерению не подлежит, однако имеет эмпирическое истолкование, — содержится в [44]. Там же обосновывается определение стоимости на основе информационного подхода. Следует, однако, подчеркнуть, что раскрытие сущности (указание субстрата) стоимости не является обязательным условием для ее использования: корректно и просто априорное постулирование ее существования²⁴.

Другая интерпретация понятия «стоимость», не противоречащая, а дополняющая сформулированную выше, восходит еще к Аристотелю: система справедливых цен, которая позволяет обществу воспроизводиться [45]. Этот подход может быть формализован при обращении к методологии МОБ как «стоимостное условие роста»: при вычитании из вектора цен вектора затрат должна оставаться «разумная прибыль», достаточная для инвестиций, но не чрезмерная, чтобы исключить бегство капитала из других отраслей [46. Р. 338].

Что предлагается нами взамен предельного анализа? Альтернативный подход, который мы разделяем, был разработан лауреатом Нобелевской премии Морисом Алле: это концепция поиска излишка. Большинство сложностей и условностей подхода Эрроу-Дебре в концепции М. Алле просто элиминируются [36]. М. Алле развивал свою концепцию в рамках субъективного микроподхода²⁵. В рамках стоимостного подхода концепция излишка может быть интерпретирована следующим образом: излишек есть прирост совокупной стоимости ресурсов при их рекомбинации²⁶.

Пропорции распределения излишка между участниками акта лежат внутри

²³ Наше определение денег: легитимный знак стоимости [43].

²⁴ Такая ситуация в науке отнюдь не редкость: так, в физике до сих пор нет согласия по вопросу о сущности гравитации, но разве кто-то отвергает на этом основании понятие всемирного тяготения?

²⁵ Когда любой ресурс переходит от агента, оценивающего его ниже, к агенту, ценящему его выше, суммарная оценка имеющихся в их распоряжении благ возрастает; этот выигрыш, подлежащий распределению между участниками акта, называется излишком [36. С. 14, 204–209].

²⁶ Излишек образуется не при любом перераспределении, а только при таком, когда их объединение в новые комбинации (вместе с другими, уже имеющимися у соответствующих собственников ресурсами) повышает совокупную стоимость новых комбинаций относительно начального распределения. Главной причиной этого являются системные свойства экономических систем (целое может быть больше механической суммы частей). В общем случае экономические системы не ассоциативны: если мы имеем две экономические системы с набором элементов $\{a_1, b_1, v_1\}$ и $\{a_2, b_2, v_2\}$ соответственно, то рекомбинация элементов (например: $\{a_1, b_1, v_2\}$ и $\{a_2, b_2, v_1\}$) может привести как к увеличению, так и к уменьшению совокупной стоимости новых систем.

интервала, ограниченного снизу издержками продавца, а сверху — максимальной ценой, при которой покупатель еще имеет выигрыш в стоимости. В единичном случае внутри этого интервала цена может быть любой; в случае идеального рынка этот ценовой интервал сводится к точке равновесия, и это (также как и наклоны кривых спроса и предложения) можно обосновать без обращения к сложному (и логически избыточному) аппарату предельного анализа.

Важно отметить, что предлагаемое нами «переписывание учебника по микроэкономике» не означает тотального отвержения предшествующих концепций и создания экономической теории «с нуля»; напротив, большинство моделей современной экономической теории (теории несовершенной и монополистической конкуренции, обмена с информационной асимметрией, практически всего неоинституционального подхода и др.) в пределах своей области применимости имеет очевидную ценность. Более детально представления о том, как может быть развита микротеория в рамках классической школы, изложены в [13; 16].

В заключение отметим, что наша предполагаемая позитивная микротеория предполагает нормативную рекомендацию: деньги должны иметь эталон²⁷.

Литература

1. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // М.: НП "Журнал Вопросы экономики". 2004. 416 с.
3. Рассел Б. Философия логического атомизма / Рассел Б. Избранные труды. // Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 2007. С. 121–221.
4. Витгенштейн Л. Tractatus logico-philosophicus / Витгенштейн Л. Избранные работы. // М.: «Территория будущего». 2005. С. 14–228.
5. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. // М.: Идея-Пресс. 203. 224 с.
6. Popper K. Unended Quest. // London: Routledge. 1992. 315 p.
7. Поппер К. Логика научного исследования / Поппер К. Логика и рост научного знания // М.: Прогресс. 1983. С. 33–235.
8. Степин В.С. Теоретическое знание // М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. Егоров Д.Г. О современной экономической науке с позиции гносеологического реализма // Общество и экономика. 2021. № 5. С. 5–19.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги // М.: Феникс, Т. 2. 1992. 528 с.
11. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Новочеркасск: САГУНА. 1994. 354 с.
12. Петров Ю.А., Захаров А.А. Методологические принципы теорий // Озерск: ОТИ МИФИ. 2000. 28 с.
13. Егоров Д.Г., Егорова А.В. О единстве экономической теории // СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2019. 214 с.
14. Егоров Д.Г. Откуда берутся принципы // Философия науки. 2022. № 1. С. 21–31.
15. Егоров Д.Г. Возможность согласования макро- и микроэкономики в рамках подхода Мориса Алле // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 154–165.

²⁷ Какой именно (золотой, энергетический [13. С. 118–122], мультиоварный [47]), – вопрос следующего уровня.

16. Егоров Д.Г., Егорова А.В. О построении неравновесной микротеории // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 18–33.
17. Кошовец О.Б. «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технаукой: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2019. 47 с.
18. Arrow K.J., Debreu G. Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22. N. 3. P. 265–290.
19. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 52–75.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. // М.: Мысль. 1996. С. 53–655.
21. Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra / Этическая мысль. Вып. 12. // М.: ИФ РАН. 2012. С. 124–142.
22. Хомский Н. Прибыль важнее людей. // М.: Праксис, 2002. 248 с.
23. Кляйн Н. Доктрина шока // М.: Добрая книга. 2011. 656 с.
24. Чхан Х. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. // М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 256 с.
25. Weber M. Basic Sociological Terms. Economy and Society / Weber M. An Outline of Interpretive Sociology // Berkeley: University of California Press. 1968. P. 3–62.
26. Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 53–56.
27. Новая философская энциклопедия // <https://iphras.ru/enc.htm>
28. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66–89.
29. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // М.: ГУ ВШЭ. 2003. 671 с.
30. Кант И. Критика практического разума / Кант И. Сочинения в восьми томах. Т. 4. // М.: Чоро. 1994. С. 373–565.
31. Егоров Д.Г. Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 35–41.
32. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории // М.: Наука. 1993. 176 с.
33. Samuelson P.A. Economics // New York: McGraw-Hill Book Company. 1990. 645 p.
34. Розмаинский И.В. Введение в посткейнсианство // Идеи и идеалы. 2010. № 1(3). Т. 1. С. 88–105.
35. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж.М. Избранные произведения // М.: Экономика. 1993. С. 224–518.
36. Алле М. Условия эффективности в экономике // М.: Наука для общества. 1998. 304 с.
37. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса // М.: ЭКСМО. 2011. 512 с.
38. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. // М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
39. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 1. // М.: Прогресс. 1983. 415 с.
40. Милль Дж. Основы политической экономии. Т.2 // М.: Прогресс. 1980. 480 с.
41. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. // М.: Прогресс. 1984. 310 с.
42. Васина Л.Л. «Ценность» versus «стоимость» – «за» и «против» // Альтернативы. 2015. № 2. С. 122–154.
43. Егоров Д.Г. Деньги – это знак // Экономическая наука современной России. 2022. № 1. С. 7–16.
44. Егоров Д.Г. Стоимость в экономической теории – категория излишняя или необходимая? // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 25–40.
45. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 // М.:

Мысль. 1984. С. 53–293.

46. *Eichner A.S.* The Macrodynamics of Advanced Market Economics // NY: Armonk. 1991. 1075 p.

47. Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Мультиоварная база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности // Стратегические приоритеты № 4, 2017. С. 120–130.

Dmitry Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Ph.D. in Philosophy, Professor,

Pskov Branch, Academy of Federal Penal Service of Russia (Pskov, Russia)

ON THE NORMATIVITY OF MAINSTREAM ECONOMICS (WHAT A POSITIVE ECONOMIC THEORY MAY LOOK LIKE)

It is shown in the article that there is no fundamental difference between normative and positive theories either in terms of development methods or internal architecture. It is substantiated that the modern neoclassical theory as a whole is not positive. Another way of developing a positive microtheory based on the approach of Maurice Allais is proposed: the concept of searching for surplus within the framework of the cost approach.

Keywords: methodology; methodology individualism: normative theory; positive theory; principle; value; economic mainstream.

DOI: 10.31857/S020736760021858-2